

Вячеслав Заренков

ДАННОСТЬ ЖИЗНИ

Заренков Вячеслав

16+

Вячеслав Заренков

**Данность жизни.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Заренков В. А.

Данность жизни. Сборник рассказов / В. А. Заренков — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Публикуемые в этом издании рассказы продолжают серию жизненных историй - о добре и зле, верности и предательстве, искренности и лжи, встречах и разлуках и, конечно, о любви.

Содержание

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ	6
РАННЕЕ ДЕТСТВО	7
ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ	8
ЮНОСТЬ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ	9
ЗРЕЛОСТЬ И БИЗНЕС	10
ВЛАСТЬ	14
СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ	15
ПЕНСИЯ	16
ОРЛЫ И ЛЮДИ	18
ПТИЦА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ	18
ЛЮДМИЛА	20
РУСТАМ	21
ОРА	23
ОРР	24
ЗАГОВОР ОРЛОВ	25
ПРЕДСКАЗАНИЯ	26
ДОРОЖИ ТЕМИ, КТО РЯДОМ	29
РАССКАЗ ДЖОНА	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все люди в мире рождаются практически одинаково беспомощными: не могут сами ходить, говорить. У всех первый крик означает: «Я родился! Я пришел в этот незнакомый мне мир. Вот я...».

А далее идет развитие Человека, познание мира: человек растет физически, учится говорить, общаться, формируется его мировоззрение. Человек развивается как личность и начинает задумываться: «А зачем я родился? Зачем я здесь? Зачем я есть?». И в зависимости от осознания ответов на эти вопросы каждый из нас избирает свой жизненный путь.

Выбор своего пути у всех происходит по-разному, в разных направлениях... По какому пути пойдет человек, зависит от многих факторов: в первую очередь, от родителей – что они дали детям, как воспитали, чему научили. Во-вторых, от внешней среды, в которой он общается: школы, в которую ходит, учителей, которые передают ему свои знания и свое отношение к жизни, друзей, которые рядом, от обстоятельств, в которые попадает человек, и ещё от многого другого.

В рассказах этой книги, которую я изначально хотел назвать «Параллельные пути», вы сможете на примерах узнать о жизненных путях разных людей. И сделать выводы.

Как в общем-то схожие при рождении люди по-разному проживают свои жизни, выбрав свои пути развития и существования. И как результат: одни приносят людям добро и счастье, а другие, наоборот, – горе и слезы. Об одних помнят и чтят память даже после смерти, а о других и при жизни доброго слова не скажут.

Коротка человеческая жизнь, но как по-разному её можно прожить. Можно стать живительным родником, приносящим радость людям, а можно и лужей, которую люди сторонятся...

Буду искренне рад, если эта книга поможет молодым людям правильно выбрать свой путь, а взрослым – подправить в нужном направлении свою жизненную тропу...

Мыслите позитивно, дорогие друзья, делайте добро людям, с улыбкой идите по жизни, и вы сами сделаете себя счастливыми. Сами!!! Себя!!!

С уважением ко всем читателям,
В. А. Заренков

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Когда-то давно старик открыл своему внуку одну жизненную истину:

– В каждом человеке идет борьба, очень похожая на борьбу двух волков. Один волк представляет зло: зависть, ревность, сожаление, эгоизм, амбиции, ложь. Другой волк представляет добро: мир, любовь, надежду, истину, доброту и верность.

Внук, тронутый до глубины души словами деда, задумался, а потом спросил:

– А какой волк в конце побеждает?

Старик улыбнулся и ответил:

– Всегда побеждает тот волк, которого ты вскармливаешь!

Притча

РАННЕЕ ДЕТСТВО

Волею судьбы и родителей они появились на свет в один день – 12 мая 1947 года.

Николай – в деревушке на берегу живописной реки, недалеко от областного города Иваново. Петр – в столице, тогда СССР, ныне России – славном городе Москве.

Николай был пятым ребенком в семье, но, как и его братья и сестры, желанным. Семья была дружная, работающая, всех детей одинаково любили и воспитывали. Уже с шести-семи лет приобщали к труду: принести воды, прополоть грядки, нарвать травы для коровы, покормить цыплят. Старшие помогали младшим, все – друг другу, и делали это с удовольствием.

Петр был первенцем и причиной родительских споров. Каждый пытался воспитывать маленького сынишку по-своему и считал другого недальновидным.

– Зачем ты пичкаешь его пирожными? – упрекал отец мать.

– Детям надо больше сладкого, об этом даже в книгах пишут – оправдывалась она и тут же упрекала мужа:

– Ты вчера не повязал Петеньке шарф, и сегодня у него сопельки!

И так по любому поводу. Ничего удивительного, что в такой среде Петя рос эгоистом.

– Хочу то, хочу это! – требовал он у родителей, и они оба изо всех сил старались ему угодить.

У Николая с раннего детства было много друзей. Они играли в прятки, классики, лапту, футбол. Вместе ходили за грибами, ягодами и на рыбалку. Иногда в ночное – пасли лошадей. Несмотря на трудные послевоенные времена, было весело и интересно.

Петя почти ни с кем не дружил. Родители не одобряли его знакомства с дворовыми ребятами – в этом вопросе они были на удивление единодушны:

– Они все хулиганы, злые, недобрые, нечего тебе с ними делать, – говорила мать.

Если Пете все-таки удавалось вырваться во двор, он вел себя очень заносчиво и любил повторять:

– А у меня игрушки красивее! У вас этого нет! Я могу лучше!

Иногда такие тирады заканчивались драками, и Петр возвращался домой с синяками и разбитым носом. Тогда мать набрасывалась на отца с чисто женской яростью:

– Ребенка защитить не можешь! Что ты за отец?! Иди и разберись с этими дворовыми хулиганами!

Плохой муж и отец уходил, а Петя, довольный, что его обидчиков ждет наказание, садился смотреть мультики. «Вот вырасту, я вам всем покажу», – думал он про себя.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Когда Николаю и Петру исполнилось семь лет, они пошли в школу: Николай в соседнюю деревенскую, за пять километров от дома, а Петр в своем квартале, сто метров от дома. Николай ходил вместе с друзьями, дорога длинная, но весело, с шутками-прибаутками, играя по пути, рассказывая разные истории; Петра в школу, несмотря, что рядом, водила до пятого класса мать.

В школе и Николай, и Петр учились на «хорошо» и «отлично». Знания обоим давались легко, они все схватывали на лету – способные ребята.

Николай был спокойным и рассудительным мальчиком. К нему приходили за советом, кое-кто даже списывал уроки. Его назначали старостой, давали поручения по пионерской, а затем по комсомольской работе. Он любил организовывать турпоходы, поездки за город, помогал с друзьями на сенокосе и уборке овощей в колхозе. Благодаря Николаю в классе царили взаимовыручка и порядок. Когда у одного мальчишки из семьи с очень скромным достатком зимой сносились валенки, Николай уговорил друзей сэкономить на школьных обедах и купить ему новые. В общем, душа-парень.

Петр собрал вокруг себя трех рослых и таких же заносчивых, как он, ребят, и они вчетвером держали весь класс в страхе. Заставляли делиться вещами, а тех, кто не соглашался, били. Из-за этой «группы» драки были привычным делом в классе. Вмешательство учителей ни к чему не приводило, а мелкие наказания лишь раззадоривали. Петр всегда выходил сухим из воды, прячась за спины друзей.

Когда Петр учился в третьем классе, его родители развелись – отец не выдержал ежедневных скандалов и ушел из дома. Вслед ему понеслось привычное:

– Предатель, подлец! Мало сына бросаешь и мою жизнь загубил!

Петр тяжело переживал уход отца и затаил на него обиду, считая виновным во всех семейных неурядицах. Мать же перенесла скандалы на сына, повторяя:

– Ты – такой же, как твой отец! Жизни от вас нет!

Возвращаться после школы домой к упрекам и разборкам не хотелось, поэтому Петр много времени проводил на улице. А там старшие ребята хулиганили по-крупному: то шапку выхватят у зазевавшего прохожего, то авоську, а то и денег у младших выколотят. Петр начал потихоньку курить, попробовал вино. Денег не хватало, и он понял, что все-таки отец содержал семью. И теперь уже затаил обиду на мать, которая довела его до развода.

Школьные годы пронеслись незаметно. И вот он – выпускной бал, аттестат зрелости и... почти взрослая жизнь.

ЮНОСТЬ И СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

Еще в школьные годы Николай не раз бывал с отцом на стройке и видел, как буквально на глазах вырастают новые дома, заводы, фабрики. Поэтому он недолго думал, куда пойти учиться.

– Буду строителем! – решил Николай и после школы уехал в Ленинград. Там устроился простым рабочим в строительное управление, а осенью сдал экзамены на вечернее отделение Инженерно-строительного института. Работа была интересная – строили новые корпуса «Электросилы», жилые дома, ткацкую фабрику и многое другое. А по вечерам учеба. К концу рабочего дня, конечно, уставал, но зато в выходные – театры, музеи, опять же – турпоходы и многое другое.

Петр после школы задумался: у него уже были неприятности с милицией, два старших друга уже сидели в тюрьме. Сам Петр как-то выкрутился.

– Нет, тюрьма не для меня! Я должен многого добиться и главное – получить в свои руки власть, – решил он. – А для этого нужно высшее образование. «Мохнатой лапы» у меня нет, поэтому придется всего добиваться самому.

В итоге Петр поступил на дневное отделение Московского университета, причем с первого захода, в отличие от многих своих однокашников.

– Придурки! Я же говорил им, что надо учиться. «Нет, мы силой возьмем!» – передразнивал он друзей. – И где они теперь со своей силой? Надо брать умом и хитростью, а силу применять в крайнем случае, и то не самому, а нанять мускулистых бездарей. Пусть разбираются с неугодными за гроши. Если что, я не при чем... – так цинично рассуждал Петр.

Когда Петр возвращался из университета домой, его встречала мать со своими бесконечными скандалами. Он старался не отвечать, но однажды не выдержал, хлопнул дверью и ушел жить в студенческое общежитие. Стипендии не хватало, физически трудиться он не хотел, и когда подвернулась фарцовка, с удовольствием этим занялся. Учился Петр легко, но с ребятами из своей группы держался обособленно. Предпочитал свободное от учебы время проводить с торгашами-фарцовщиками, с ними интересней. Деловые ребята. Скоро появились деньги: тратил он немного, все пускал на расширение запрещенного в то время бизнеса.

Николай в это время набирался строительного опыта. Вскоре он стал бригадиром, еще через год – мастером, затем – прорабом. К концу обучения уже имел солидный стаж, поэтому, как только получил диплом, ему сразу предложили должность главного инженера в крупном строительном управлении. Еще через два года Николаю поручили создание и руководство новым стройуправлением.

ЗРЕЛОСТЬ И БИЗНЕС

Петр к моменту окончания университета стал опытным фарцовщиком, скопил немало денег и работать по специальности не собирался:

– Вкалывать целый месяц за 180 рублей? Нет! На фарцовке я за день могу заработать в три раза больше.

Однако советская система не позволяла быть «тунеядцем-предпринимателем» и обязывала каждого трудиться на благо общества.

– Нужно найти теплое местечко и заниматься своим делом, накопить денег и свалить за границу, – рассуждал Петр. – А уж там с капиталом я развернусь!

Он устроился заведующим лабораторией в один из московских НИИ. Работа легкая – с утра дал подчиненным команды, кому что делать, и весь день свободен. Руководство не очень интересовалось результатами работы, поэтому можно было спокойно заниматься своими делами – благо отдельный кабинет и телефон.

Фарцовка приносила неплохие доходы, денежки копились, купленный втридорога загранпаспорт лежал в сейфе и ждал своего часа.

Но вот в стране начались перемены. Сначала умер Брежнев, через какое-то время Черненко, затем Андропов. И уже Горбачев Михаил Сергеевич объявляет о какой-то перестройке, говорит, что можно создать свою частную фирму.

– Да, – задумался Петр, – настали интересные времена, в мутной воде можно и рыбки половить. Стоит ли сваливать? За бугром тоже не все просто....

Вскоре зарегистрировал свою фирму, назвал ее на английский манер FGV, что в переводе на русский означало: Фарцовка Главнее Всего.

Петр Олегович (теперь его так называли, и он гордился этим) развернул бурную деятельность, занимался всем – от торговли джинсами до компьютеров. Бизнес начал активно развиваться. Накапливался капитал. В мыслях – амбициозные планы расширения сферы деятельности. И вдруг появляются трое амбалов:

– Мы – твоя «крыша», плати, дорогой! Двадцать штук баксов каждую неделю.

– Да вы что, ребята! У меня нет таких денег.

– А это твои проблемы! Решай, в конце недели придем.

Петр задумался:

– Заплатишь – сядут на шею и будут командовать, а я не для того фирму создавал и деньги копил, чтобы бандитам отдавать. Хотя и не платить опасно.

Решил позвонить старым школьным друзьям, которые к тому времени вышли из тюрьмы, но продолжали в том же духе.

– Васек, помогай! Мы ведь с тобой...

– Петя, тебя разводят по полной! Бери нас к себе на работу, плати по пять штук баксов в месяц, и мы тебе такую охрану обеспечим! Ни один бандит не подойдет, твою фирму стороной обходить будут.

Петр, не раздумывая, согласился – дешевле обойдется, да и парни свои, ими можно управлять:

– Ребята, без проблем! С сегодняшнего дня вы работаете в моей фирме. Старший – Василий. Вот вам аванс по паре штук, можете приступать. Завтра эти амбалы придут, что делаем?

– Ты их встречай у себя в кабинете, секретаря из приемной на время убери, а мы будем в потайной комнате. Сразу скажи, чтобы валили и никогда не возвращались. Дальше – по обстоятельствам. Договорились? Положись на нас. Мы ведь – твоя служба безопасности, Петр Олегович! – закончил Василий.

На следующий день ближе к обеду явились «ходоки», плюхнулись без приглашения на стулья, и старший грубо заявил:

– Что-то я не вижу денег...

– Ребята, повежливее! – спокойно ответил Петр Олегович. – И мой вам совет: больше никогда сюда не приходите. Я не для того десять лет вкалывал, чтобы деньги вам отдавать.

– Чего-о-о? – завопили амбалы хором. – Ты, че, не понимаешь, с кем разговариваешь? Да мы тебя!..

В этот момент открылась потайная дверь, и в комнате появился Василий с двумя друзьями. У каждого в руках по пистолету «Макаров».

– Плохо со слухом? Не слышали, что вам сказал Петр Олегович? – спокойно произнес Василий.

Ошалевшие бандиты стояли, как вкопанные.

– Передайте своим, что здесь работает служба безопасности, – продолжал он.

– Вы еще пожалеете! – прорычал, пятясь, старший. – Не представляете, с кем связались!

– Считаю до пяти, после чего вас здесь быть не должно. Иначе стреляю, – сказал Василий.

Через три секунды бандиты исчезли.

– Все так просто? – наивно спросил Петр Олегович.

– Не все, но с нами считаются, потому что мы показали силу. Будут еще «стрелки», но это уже наше...

Так Петр понял, что бизнес нуждается в защите, и что многие вопросы можно решать силой. Причем исполнителей легко нанять за деньги. И, по его мнению, не важно, что они связаны с криминалом. В завершение сценки он произнес фразу, которая определила его дальнейшую судьбу:

– В России бизнес чистыми руками не сделать. Это невозможно!

Благодаря трудолюбию карьера Николая стремительно шла вверх: главный инженер, потом директор строительного управления, главный инженер треста. Мог бы стать и управляющим треста, но с объявлением перестройки закончились госзаказы, и госфинансирование прекратилось. Многие объекты заморозили, рабочие простаивали, зарплаты не выплачивались. Началась приватизация. Большая часть акций треста оказалась у руководителей главка, немного у сотрудников треста. Николаю Михайловичу досталось всего 0,03% акций. Вовсю шла дележка активов и разворовывание – здесь, в тресте, уже нечего было делать. Николай, как это ни было больно, уволился – совесть не позволяла работать в таких условиях. Ушел в никуда, без нажитого капитала и перспектив работы в государственном секторе. Отдохнув пару недель, он решил создать свою строительную фирму.

– Почему бы и нет? – рассуждал он. – Главный капитал – знания и опыт – у меня есть. Профессиональных работников подберу, не проблема, вон сколько коллег-профессионалов без работы осталось. А деньги заработаем! – так рассуждал Николай Михайлович.

Сказано – сделано, и через две недели фирма была зарегистрирована. Сняли офис, заказали печать, стали искать заказы. Начали с малого: дачи, гаражи, коттеджи. Что называется, работа с частным капиталом. Потихоньку дело двинулось, фирма начала развиваться, появились планы расширения сферы деятельности. Но в один прекрасный день на пороге появились молодые люди. На вид они одинаковы что в Москве, что в Санкт-Петербурге, что в любом другом городе необъятной России. Накачанные мышцы, бычьи шеи, тупые, наглые глаза и цинизм в отношениях. Это своего рода новые особи «хомосапиенс», рожденные перестройкой.

– Мы – ваша «крыша», и будем вас охранять. С вас двадцать кусков в неделю. В конце недели придем за деньгами, – заявили они наглым тоном. После их ухода Николай Михайло-

вич, недолго думая, обратился в соответствующие органы, и там посоветовали заключить договор с охранным предприятием. Дали рекомендации. На следующий день Николай Михайлович встретился с руководством фирмы.

– Мы – бывшие работники МВД и спортсмены, наша компания официально зарегистрирована, – объяснили в охранной фирме. – Если желаете, заключим с вами договор. Мы обеспечим охрану всех ваших объектов и безопасность бизнеса. Если не понравится, расторгнем договор и разойдемся.

Разговор велся тактично и вежливо, по-деловому, с обоюдным уважением. Подумав и проверив через знакомых в спецорганах надежность и порядочность охранной компании и ее работников и получив положительные отзывы, Николай Михайлович согласился. Больше с рэкетом он не сталкивался.

– Вести дела будем только честным путем и с соблюдением всех законов, – заявил он коллегам. – Докажем, что в России это не только возможно, но и выгодно!

Бизнес Петра Олеговича рос, но темпы развития его не устраивали. Да и профессионалов было мало: сотрудников он набирал не по профессиональным качествам, а исходя из лояльности к себе любимому, порой авантюристов, а иногда и людей с криминальным прошлым. В это время кругом шла приватизация, и Петр видел, как большие куски собственности уходили в частные руки. Больше всех получили работники властных структур.

– Самому большой бизнес не построить, слишком долго. А мне надо все и сразу – надо захватывать уже готовые предприятия, – цинично заявил Петр Олегович.

В итоге он решил работать в трех направлениях:

1. Продолжать развитие существующего бизнеса, приглашая молодых агрессивных ребят и выжимая из них по максимуму.
2. Любыми путями, включая шантаж и угрозы, захватывать существующие компании.
3. Внедрять во власть своих людей и подкупать тех, кто уже находится у кормила власти. Самому стремиться к власти.

Николай Михайлович разработал свою стратегию развития бизнеса, тоже из трех пунктов, которые базировались на честности, порядочности и профессионализме:

1. Расширение объемов и географии.
2. Создание новых специализированных компаний.
3. Инновации, качество и формирование положительного имиджа компании.

Никакой агрессии, решение всех проблем цивилизованным путем. Отношения с властью – деловые, ровные, с сохранением определенной дистанции. В конце концов, власть тоже иногда занимается рейдерскими захватами.

Петр Олегович со своей службой безопасности и натасканными на компромат юристами в течение пяти лет захватил восемь компаний. В ход шло все: подкупы, хитрость, обман, криминальные разборки, шесть человек умерли при загадочных обстоятельствах, в том числе два директора. Предприятия были разные – швейная фабрика, ликероводочный завод, завод по

производству станков и другие. Одного направления бизнеса не существовало, просто хватали «жирные куски». Один из способов отъема фирмы был очень прост.

Вновь учрежденная компания (регистрация – за два дня) заключала договор на покупку большой партии продукции с рассрочкой платежа на два месяца. В те времена такой заказ считался выгодным: государство не расплачивалось по полгода и дольше. Для гарантии выплачивался скромный аванс. Счастливый продавец работал на полную мощность и отпускал продукцию. Однако деньги не поступали ни через два, ни через три месяца. Зарплату платить нечем, рабочие недовольны. И вдруг у проходной появляются молодые люди, готовые купить акции предприятия. Некоторые рабочие, неполучавшие по пять месяцев зарплаты, соглашались – хоть какие-то деньги для семьи. Выкупив таким образом 20–30% акций, молодые люди организовывали собрание, на котором в пух и прах разносили действующее руководство, суля золотые горы за утверждение нового директора – их ставленника. А при своем директоре прибрать фирму к рукам – дело техники. И это самый простой и вполне законный способ. Если возникали трудности, применялись более изощренные методы, в том числе криминальные.

В администрации и законодательные собрания городов внедряли своих людей. Начали подступаться к федеральной власти, в частности Госдуме и Федеральному собранию. Три ставленника стали депутатами Госдумы, двое – сенаторами в Федеральном собрании. На это назначение Петр потратил кучу денег и сейчас требовал от ставленников отдачи – лоббирование госзаказов, победы в различных тендерах и прочее.

Внутри этого огромного конгломерата царили интриги, увольнения и разборки. Управление строилось на жестком диктате, угрозах, запугивании. Несмотря на это, группа компаний работала и приносила реальную прибыль.

Основная доля прибыли выводилась за границу, избегая налогообложения.

Николай Михайлович в это время создал более десяти новых предприятий строительного направления в разных городах страны. Объединил их в одну группу, организовал корпоративное управление.

Пошли заказы, имидж головной компании рос с каждым годом. Начали поступать иностранные инвестиции. Люди шли на работу с удовольствием: приличная зарплата, карьерный рост, бесплатное обучение, тренинги, социальный пакет и главное – нормальные добрые отношения внутри коллектива.

ВЛАСТЬ

Петр Олегович рвался к власти любыми путями: покупка должностей, шантаж, использование людей, внедренных во власть, угрозы.

– Человеку нужны две вещи: деньги и власть, – философски рассуждал Петр Олегович. И вот он уже в Госдуме, сначала – помощник депутата, затем и сам – депутат.

– Для меня не имеет абсолютно никакого значения, от какой я партии. Главное, что у меня власть и неприкосновенность, – говорил он коллегам. И вот уже собственный кабинет, депутатская неприкосновенность, отдельные залы в аэропорту, лоббирование своих бизнес-интересов при госзаказах и иные преференции.

– Я должен быть над толпой. И не имеет значения, как я здесь оказался. Порву любого, кто мне помешает! – заявлял он.

При этом главной чертой в отношениях Петра Олеговича с подчиненными стало высокомерие. А еще грубость, окрики и наказания.

Николай Михайлович был равнодушен к власти, он сконцентрировал свои усилия на развитии бизнеса. Предложения пойти во власть деликатно отклонял со словами:

– Я должен создавать рабочие места для людей, обеспечивать им достойную жизнь, быть с народом, честно платить налоги и тем самым развивать государство. Мы, строители, по натуре – созидатели и должны обеспечивать процветание страны.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Семейная жизнь у Николая Михайловича сложилась удачно. Еще будучи простым рабочим, он влюбился в девушку Настю, и через год они поженились. Спустя еще один год у них родился сын Денис, затем дочь Света. Николай души не чаял в детях, и все свободное время проводил с ними: музеи, детские спектакли, парки, поездки на природу всей семьей, совместные игры. Дети росли – школа, институт... Денис пошел по стопам отца, закончил строительный институт и стал его главным помощником, точнее, равноправным партнером в бизнесе.

Дочь выучилась на юриста и работала в известной юридической компании. Дети подарили счастливым родителям четверых внуков. Все жили в трех соседних загородных домах, дружно и весело.

Николай Михайлович любил свою жену, детей и внуков. Настя, несмотря на достаток, продолжала работать:

– Не могу я без коллектива и без общения с людьми! Я должна приносить пользу обществу, – говорила она мужу.

Если же кто-то пытался упрекнуть Настю в том, что ей повезло с мужем – директором крупной фирмы, и сейчас ей необязательно работать, она гордо отвечала:

– Во-первых, я выходила замуж за обычного рабочего, а не за директора. Во-вторых, мой муж создал компанию с «нуля», ничего у государства не «прихватизировал» – ни одного рубля. Фирма выросла благодаря его трудолюбию, уму и честности. В-третьих, я привыкла работать и получаю от этого удовольствие!

Семейная жизнь у Петра Олеговича складывалась не совсем удачно. Достойного преемника Петр Олегович так и не подготовил, хотя у него было три брака и пятеро детей. Жен Петр выбирал красивых и молодых. С первой женились по любви, но после семи лет совместной жизни развелись. На второй он женился по расчету: ее отец был крупным чиновником, и Петр надеялся с его помощью подняться по карьерной лестнице. Но после того, как тестя посадили за взятки, развелся, оставив жене двух сыновей и квартиру в центре Москвы. Третья супруга была почти на тридцать лет моложе. Она вышла за Петра ради денег, но чтобы укрепить свои позиции, родила дочку. Жены постоянно выясняли друг с другом отношения, скандалили и во всех бедах винили «паразита» Петра. При этом каждая пыталась урвать кусок бизнеса. Дети тоже не дружили; заниматься их воспитанием было некогда – сначала манила власть, потом яхты, самолеты...

ПЕНСИЯ

Время летит быстро, и уже наступил юбилей – 60 лет, пора уходить на заслуженный отдых. Николай Михайлович, ни минуты не колеблясь, передал дела своему сыну, тридцатилетнему Денису Николаевичу, а сам стал наверстывать упущенное: путешествия по всему миру, горные лыжи, дайвинг, написание книг и картин. И, конечно, занятия с внуками. Николая Михайловича приглашали читать лекции в институты, принять участие в различных конференциях и семинарах, возглавить общественные фонды и т.п. Жизнь была ключом! И отдых пошел на пользу – Николай Михайлович словно помолодел.

Незаметно пролетели пять лет, и снова юбилей. Сын отчитался – компания достойно пережила два кризиса и успешно развивается, вышла на мировой рынок.

Николаю Михайловичу нравится ездить с гостями по городу и показывать:

– Вот этот дом построила наша компания, этот завод – тоже, и ту школу, и детский сад рядом. Есть чем гордиться!

В саду под яблоней за большим столом собралась вся дружная семья. Во главе – Николай и Настя. Семейное счастье в таком возрасте – быть среди родных, окруженным теплом, любовью и уютом. И знать, что ты нужен.

Петр Олегович встретил свое шестидесятилетие усталый и нервный. Партия, от которой он баллотировался в Госдуму, не набрала нужного количества голосов, и Петр Олегович лишился депутатского мандата. Метнулся в другую партию, но репутация уже была подпорчена, и его не выдвинули, даже деньги не помогли. Сотрудники стали уходить из компании – бежали, как крысы с тонущего корабля. За время депутатства контроль над фирмой из-за отсутствия времени немного ослаб. Этим воспользовался наемный генеральный директор, который быстренько скопил капитал и параллельно создал собственную компанию. Началась борьба двух компаний – ссоры, оскорбления, судебные иски. В общем, проблема на проблеме. В итоге свое шестидесятилетие Петр Олегович отмечал в кругу сомнительных друзей-подхалимов. Сразу после юбилея начался новый раунд борьбы за власть. К этому времени правоохранительные органы стали подбираться к темному прошлому Петра Олеговича и компании. Василий и сотоварищи уже находились в следственном изоляторе и готовились давать показания. А депутатской неприкосновенности, как назло, не было. Петр Олегович со своими «юристами» в срочном порядке посетил губернатора одного из отдаленных регионов и попытался выбить для себя направление в качестве его представителя в Совет Федерации.

Получил отказ, но на этом не успокоился. Через месяц приехал снова – уже с чемоданом компромата, и после десяти минут разговора получил «добро». И вот Петр Олегович – сенатор со всеми вытекающими приятными последствиями, и главное – с неприкосновенностью.

В компанию были приглашены новые люди, большинство – бывшие чиновники, однако отсутствие единой стратегии и ответственных профессиональных исполнителей свело все усилия на «нет». Сказалось и то, что значительная часть прибыли регулярно шла не на развитие бизнеса, а оседала на личных счетах хозяина за границей. Снова – лоббирование госзаказов, откаты, взятки. С трудом, но два кризиса пережили. И вдруг опять неудача: губернатора, который дал Петру Олеговичу «путевку» в Совет Федерации, сняли и возбудили против него уголовное дело (видимо, компромат существовал не в единственном экземпляре). Новый губернатор сразу же отозвал Петра Олеговича и направил своего человека. А как только закончилась неприкосновенность, возобновился интерес правоохранительных органов.

В конце концов, напуганный и уставший от борьбы шестидесятитрехлетний Петр Олегович уехал в Англию. Молодая жена с ребенком ехать отказалась. Вот так, через много лет, сбылась мечта юного Петра сбежать за границу... Несмотря на наличие денег, жизнь в Англии была не сахар – один, без семьи и друзей, старый и никому не нужный. Через два года Петр Олегович хотел было вернуться, но страх перед арестом взял верх. Остался. Переживания и мыкания привели к инсульту, за которым последовало длительное лечение и медицинский уход. Но рядом по-прежнему – ни одной родной души. Последние дни парализованный Петр Олегович доживает в своем большом английском доме в обществе нескольких слуг и русской старушки-эмигрантки.

После отъезда из России и болезней Петра Олеговича его российская компания распалась на части и уже по частям со скандалами и разборками была «прихвачивана» новыми дельцами, среди которых – его многочисленные коллеги, дети и жены. Ни один человек в России не вспомнил Петра добрым словом, а вот врагов осталось много. Ни им, ни родне так и не удалось добраться до основных капиталов, которые лежат на счетах в швейцарских банках. Хотя проку от них уже мало.

Так прожили активную жизнь два человека, родившиеся в один день, которые никогда не встречались. Их пути не пересеклись, потому что они жили в параллельных мирах. И жизнь свою строили по-разному; один честно и справедливо, в гармонии с обществом и людьми, другой в стремлении к власти, деньгам, роскоши, не считаясь с моралью, законами и обществом. Сейчас один живет в родной стране, окруженный заботой и любовью близких и друзей, а другой отмеряет последние дни и месяцы в чужой стране, в одиночестве, проклинаемый родными, врагами и мнимыми друзьями. Почему? Думаю, каждый сам сделает правильный вывод из этих простых, но весьма показательных историй.

ОРЛЫ И ЛЮДИ

ПТИЦА С ГРУСТНЫМИ ГЛАЗАМИ

Эта удивительная история произошла на острове Кипр, в пригороде красивейшего города Лимассол. Мы с женой Настей отдыхали в уютном доме на берегу моря. Погода стояла великолепная: голубое небо, яркое солнце, чистейшая теплая вода. Выходные решили провести в древней горной деревеньке, куда нас пригласил кипрский друг Петрос. В горах находился родительский дом, и он любил приезжать туда с друзьями на week-end. Петрос предложил нам поучаствовать в приготовлении шушуки – это орешки, нанизанные на нить, которые сначала опускают в специально приготовленный виноградный сок, а затем вялят. Получается очень вкусно! Было здорово, и время пролетело незаметно. Домой мы вернулись поздно, усталые, но довольные, и сразу легли спать.

Вдруг среди ночи, часа в два, раздался громкий и резкий стук в окно. Не понимая, что происходит, мы выскочили на балкон (спальня была на втором этаже). Однако, посмотрев вниз, ничего не увидели.

– Странно, – сказал я. – Что бы это могло быть?

– Я теперь не засну, – произнесла Настя. – Думаю, кто-то хочет нас ограбить.

– Ветер, наверное, – попытался я успокоить жену. – Спи, не бойся. Я с тобой!

– Ветер не может так стучать в окна, – настаивала Настя.

Я и сам это понимал.

Через какое-то время мы все же уснули.

Не прошло и полчаса, как стук повторился, еще более требовательный и настойчивый. Я осторожно приоткрыл дверь, и все стихло.

Выйдя на балкон, я увидел невероятную картину: под козырьком, уцепившись за раму окна, сидела, а точнее висела, огромная птица с распростертыми крыльями. Заметив меня, она стала биться в стекло с удвоенной силой. Размах крыльев – более семидесяти сантиметров, звуки жуткие. Я попытался прогнать незваную гостью, но не тут-то было. Отпустив раму, птица резко взлетела, задев меня крыльями, и попыталась влететь в комнату через приоткрытую балконную дверь. Я едва успел вернуться в спальню и захлопнуть ее.

– Что это за птица? И почему она так рвется в комнату? – недоумевали мы.

– Похоже, это орел, – предположила Настя.

– Откуда здесь орел? – засомневался я. – Орлы на Кипре редкость, и живут они в горах, а не у моря. И зачем ему понадобилась наша комната?

– А ты его спроси, – недовольно ответила жена. – Сделай что-нибудь! Он же будет всю ночь стучать и окно разобьет.

Будто услышав ее слова, птица ударила в стекло еще сильнее. Взяв швабру, я снова вышел на балкон, полный решимости прогнать возмутителя спокойствия.

Увидев швабру, жена крикнула вдогонку:

– Ты только не бей ее, а аккуратно прогони!

– Уж как-нибудь соображу, – бросил я на ходу.

Словно почувствовав угрозу, птица оставила раму в покое и, смиренно сложив крылья, забила под кресло в углу балкона.

– Ладно, ночуй здесь! Только больше не стучи, договорились? – сказал я ей.

В знак согласия она легонько встряхнула крылья и почти до пола опустила огромный, слегка загнутый клюв.

– Вот и хорошо, – произнес я умиротворенно.
Мы снова легли спать. Конец ночи прошел в тишине.

Утром я сразу выглянул на балкон: птица сидела на том же месте и смотрела на меня грустными испуганными глазами.

– Как спалось, подруга? – пошутил я. – Расскажи, что с тобой случилось?

Ответом было молчание и настороженный взгляд.

Птица не сопротивлялась, когда я взял ее на руки. Она оказалась тяжелой – килограмма четыре, а то и больше – в ее теле чувствовалась невероятная мощь.

– Точно орел, – сказал я, вынося гостью на улицу.

Ко мне сразу подбежали соседи-киприоты.

– Орел, орел! – загалдели они. Все старались погладить птицу, а та вздрагивала от каждого прикосновения.

– Раз ты орел, лети на свободу – и я подбросил его в воздух.

Взмахнув мощными крыльями, орел взметнул в небо. Покружив над нашим домом минут пять, он стал снижаться и через какое-то время скрылся в районе балкона соседнего жилища.

– Теперь будет там стучаться, – пошутил я.

Народ стал потихоньку расходиться. И вдруг от соседнего дома в небо взмыли две мощные птицы: наш знакомый и особь поменьше, видимо, его подруга. Делая сложнейшие пируэты, орлы направились в горы...

ЛЮДМИЛА

Через неделю к нам зашла Людмила, жившая в соседнем доме, и пожаловалась:

– Представляете, уехала всего на три дня, и за это время кто-то разбил окно и украл у меня орлицу. Три дня! А я оставила ей корма на целую неделю. Моя бедная Ора! Кому она понадобилась? Что я скажу Рустаму? Я уже и в полицию заявила, но они говорят, что нет никаких следов. Мол, птица сама разбила стекло и улетела. Ну как такое возможно?

– Вы давно здесь живете? – перебила соседку Настя. – И кто такие Рустам и Ора?

– Сюда мы переехали два месяца назад, а доэтого жили с мужем в деревне, недалеко от Троодоса. Вообще на Кипре уже три года. Рустам – это мой муж, а Ора – любимая орлица.

Настя, как могла, успокаивала Людмилу и пригласила ее на чашку чая. Гостья начала рассказывать о своей жизни:

– Родилась я на Украине, в городе Донецке, в рабочей семье. После школы уехала в Киев и поступила там в кулинарный техникум. Закончила его с отличием, но устроиться по специальности не удалось, и я стала работать официанткой в кафе.

Однажды вечером, уже после моего увольнения, в комнату, где мы жили с подругой, постучали. Открыв дверь, я увидела мужчину с огромным букетом полевых цветов:

– Здравствуй, Людмила, – робко произнес он. – Это тебе...

Я сразу вспомнила недавнего посетителя кафе и ответила:

– Здравствуйте! – Так мы познакомились с Рустамом.

Красивое ухаживание продолжилось. Мы полюбили друг друга и через два месяца поженились. Затем был неудачный бизнес и отъезд на Кипр. Здесь купили маленькую ферму и стали вести хозяйство. Первое время мы были вполне счастливы. Но потом я начала скучать по городской жизни. Однако муж и слышать не хотел о переезде в город: «Что я там буду делать? Опять на стройку? Смотри, какая здесь красота: горы, леса, озеро рядом, птицам нашим простор. А воздух какой чистый!». Но я, глупая, капризничала. После очередной ссоры прихватила орлицу и ушла, устроилась работать поваром в дом рядом с вашим. Хозяева выделили мне комнатку, там и живу. Только здесь я поняла, как плохо быть одной. В этом городе среди людей я чувствовала себя абсолютно одинокой. Ведь я очень любила и люблю мужа. И без него я не могла быть счастлива... Ора немного скрашивала мою жизнь, но теперь и ее украли...

РУСТАМ

После рассказа Людмилы мне захотелось встретиться с ее мужем Рустамом и побеседовать. Внутреннее чутье подсказывало, что знакомый орел и его подруга находятся в загородном доме. Мне очень хотелось с ними снова встретиться.

И вот в один из выходных, взяв у Людмилы адрес, я отправился в горы. Дорога была извилистая, но мой джип упрямо двигался вверх. Чем выше, тем сильнее менялись климат и природа вокруг: в горах температура ниже, чем на побережье, градусов на семь; по обе стороны от дороги – кедры и сосны, цветущие кустарники, сады с ароматными лимонами и апельсинами да рубиновыми гранатами; пышно цвела бугенвиллия.

На пороге маленького деревенского дома меня встретил мужчина средних лет. По всем приметам это и был Рустам: высокий, с черной и поблескивающей сединой шевелюрой, карими глазами и доброй улыбкой.

– Заходи, дорогой, не стесняйся! – услышал я громкий голос с приятным узбекским акцентом. Было видно, что мне действительно рады.

– Я – Рустам, а ты, судя по всему, Виктор. Рукопожатие было крепкое, мужское.

– Вы уж извините... – начал я, но он перебил:

– Никаких извинений, дорогой! И давай сразу на «ты». Что пить будешь? У меня великолепные собственные вина. Я здесь все сам делаю: выращиваю виноград, давлю оливковое масло, а сыр какой – пальчики оближешь! Но моя красавица Людмила не захотела жить в деревне – говорит, скучно. Какое скучно?! Смотри: горы, леса, сад. И мои любимчики летят: он показал на небо, где парила пара красавцев-орлов.

– Это Орр и Ора – ласково произнес Рустам. – Они всегда со мной. С тех пор, как мы поженились с Людмилой.

Разговаривая со мной, Рустам одновременно накрывал стол: появились бутылки красного вина, местная виноградная водка с красивым названием «Зивания», свежие фрукты, сыр халуми, домашние колбаски, греческий салат и сладости. Все свежее, домашнее.

– Со своей супругой, – продолжал гостеприимный хозяин, – я познакомился в Киеве, куда приехал работать на стройку. На родине, в Узбекистане, на тот момент была полная нищета. Некогда богатый совхоз развалили, землю поделили бывшие работники райкомов и обкомов. Зарплату не платили. Вот и пришлось ехать на Украину – строить местным чиновникам и бизнесменам загородные виллы. Я заработал немного денег и хотел вернуться домой. Но перед отъездом мы с земляками зашли в кафе, и там я увидел чудесное создание: стройную блондинку с подносом в руках. Настоящая красавица! И я потерял голову. Сразу понял, что никуда не уеду – это судьба, девушка моей мечты. В тот день мы и парой слов не обмолвились, но я спросил, как ее зовут.

– Людмила, – ответила она спокойно.

На следующий вечер я пришел в кафе с букетом цветов. Заказал кофе и ждал, что выйдет Людмила. Но кофе принесла другая официантка.

– Вы не подскажете, где Людмила? – осторожно поинтересовался я.

– Она больше у нас не работает, – язвительно ответила женщина и, явно заигрывая, добавила:

– Букет случайно не мне?

– Не вам, – растерянно произнес я. – А что с Людмилой?

– Слишком гордая была, – презрительно фыркнула официантка и, качая бедрами, удалилась.

Выяснилось, что хозяин кафе, пожилой грузин, вечером предложил Людмиле переспать с ним, а получив отказ и пощечину, сразу уволил.

С трудом узнав адрес Людмилы – она снимала комнату в двух кварталах от моего жилища – я отправился к ней. Не буду вдаваться в подробности, но мы полюбили друг друга. Через два месяца поженились, сняли небольшой домик за городом и начали счастливо жить. Я работал бригадиром на стройке, а Людмила устроилась в хороший ресторан. За два года мы накопили денег и открыли свой небольшой и уютный ресторан. Детей не завели, но зато купили парочку великолепных орлов – Орра и Ору. Произошло это случайно: когда шли подавать заявление в загс, увидели фотографа с двумя птицами, которые помогали привлекать клиентов.

– Какие великолепные птицы, – восторженно произнесла Людмила.

– Можете купить, готов отдать в хорошие руки, – неожиданно произнес молодой и задорный парнишка-фотограф. – Я поступил в институт в Санкт-Петербурге и через неделю улетаю. Птиц жалко, но взять их с собой я не могу. В большом городе им не место. А в хорошие руки отдам. Они у меня доверчивые...

– Давай заберем, Рустамчик! – захлопала в ладоши Людмила.

– С тех пор они с нами, как символ любви. Мы очень привыкли друг к другу и живем как одна семья... – Рустам что-то прокричал в небо, и птицы начали медленно опускаться. – Возвращаясь к нашему ресторану. Дела шли нормально, но месяца через три после открытия явились отморозкирэкетиры со словами: «Платите, господа буржуи! Мы – ваша «крыша!». Я их послал. А через неделю ресторан сожгли. Хорошо, что мы успели застраховать бизнес и получили солидную компенсацию. Однако после этого случая я понял, что в этой стране бизнес делать нельзя. Мы с женой оформили необходимые документы и улетели на Кипр: страна маленькая, но законы соблюдаются, бизнес приветствуется и находится под защитой государства. Купили небольшую ферму в горах и стали спокойно жить. А птицам-то какое раздолье! Но Людмила заскучала и решила уехать в город...

ОРА

Ора была страшно недовольна, когда хозяйка посадила ее в корзину и унесла в неизвестном направлении. Жизнь в маленькой комнатухе оказалась настоящей тюрьмой для орлицы: ее прятали от людей и не давали летать. Но самое главное – рядом не было ее любимого Орра. Сидя взаперти, она вспоминала, как они вместе летали и учились охотиться, было весело и кругом царил любовь. Замечательные времена! Но потом хозяева начали ссориться и кричать друг на друга. Хозяйка куда-то уезжала на несколько дней, а хозяин ничего и никого не замечал. Порой он один всю ночь пил вино и спал, уронив голову на стол. Хозяйка возвращалась, и жизнь опять становилась прекрасной. Но однажды она уехала совсем, поселилась в маленькой комнатухе и забрала с собой Ору.

Ора часто звала своего друга. День проходил заднем, а он все не прилетал. Последние три дня хозяйки не было дома. Ора не спала вторую ночь, в горле першило от криков и обиды на всех: хозяев, которые бросили ее одну взаперти, и друга, который забыл. Собрав последние силы, орлица издала очередной пронзительный крик и вложила в него все свое отчаянье, мольбу о помощи и призыв к любимому.

ОРР

Уже много дней Орр жил один. Рядом хозяин, но не было главного – Оры. Он часто поднимался высоко в небо и кружил в надежде увидеть любимую. Пытался звать ее понятными лишь им двоим сигналами, но в ответ – безмолвие. Каждый вечер Орр возвращался домой один, снедаемый грустью, тоской и одиночеством. Даже успокаивающие слова хозяина не приносили облегчения. Орр понимал, что тому не легче – вместе с Орой исчезла и хозяйка. Поздними вечерами он внимательно наблюдал, как хозяин в задумчивости сидел один за столом. Днем приходили люди, и дом наполнялся жизнью, но вместе с темнотой возвращалось отчаяние.

«Надо любыми путями найти Ору и хозяйку», – решил Орр, взмахнул широкими крыльями и исчез в небе. Надвигались сумерки, но орел продолжал парить. И вдруг неожиданно для себя повернул в сторону моря: ему показалось, что он слышит зов подруги. Каким-то невероятным образом Орр чувствовал – Ора совсем рядом. Он кружил в полной темноте над домами. В одном из них зажегся свет, и в этот момент Орр отчетливо услышал призыв орлицы.

«Она там!» – его сердце часто забилося, и он бросился в сторону светящейся точки.

Стекло Орр заметил поздно, успел затормозить, но удара не избежал. Не обращая внимания на боль, он уцепился мощными когтями за раму и стал яростно бить крыльями, надеясь разбить окно и выпустить на свободу подругу. На балкон вышли напуганные его появлением и ударами по стеклу люди. Но Людмилы не было! Затем мужчина попытался его прогнать.

«Значит, Ора в комнате», – решил Орр и, отпустив раму, ринулся в проем. Но дверь балкона захлопнули перед самым его клювом, и он остался один. Прошло какое-то время, разговоры в комнате стихли, свет погас, и воцарилась тишина.

«Что делать?», – Орр пробрался в угол балкона и затих. И вдруг – снова знакомый звук. Он мгновенно уцепился за раму и принялся с новой силой бить по стеклу: «Она – там! Ее нужно освободить любой ценой!».

На балконе опять появился мужчина, который явно пытался его успокоить. Повинуясь убаюкивающей интонации, Орр сложил крылья и заковылял в угол. «Может, и правда дождаться утра?» – подумал он. Ближе к рассвету уснул. Разбудил птицу звук шагов. Орр попытался взмахнуть крыльями и улететь, но ножки кресла, под которое он забрался, не позволили это сделать. Подошел мужчина, взял его на руки и вынес на улицу. Орр не сопротивлялся. Его легонько подбросили, и вот она – свобода!

Сделав несколько кругов над домами, Орр опять услышал призыв Оры и понял, что звук доносится с балкона соседнего дома. Снизившись, он сел на балкон и увидел через стекло подругу. Какое-то время они переговаривались на только им понятном языке, затем Орр уже знакомым приемом уцепился за раму окна и, расправив крылья, резко изо всех сил ударил по стеклу. Стекло не выдержало такого сильного удара и разбилось на мелкие осколки. Ора свободна!

Птицы взмыли в небо и, кружась в радостном танце, полетели в сторону гор, к хозяину.

ЗАГОВОР ОРЛОВ

Орр и Ора вместе уже пятый день, а хозяин мрачнее тучи. Он заметил, что птицы «болтают» о чемто, будто готовят заговор.

– Уж не думаете ли и вы, ребята, улететь от меня? – спросил Рустам.

В ответ – молчание.

– Да нет... Вы у меня умные, не улетите, – успокаивал себя мужчина. – Но что мне делать? Не могу я без Людмилы, пропаду...

В этот момент орлы поднялись в небо и направились в сторону моря, призывая хозяина следовать за ними.

– Нет, ребята! Она сама ушла, сама должна и вернуться.

Покружив над морем, птицы вернулись.

– Вы же возвращаетесь! А Людмилы нет...

Орр сел на руку Рустама и сильно сжал ее когтями, словно говоря: «Ты – мужчина и должен уметь прощать, ты должен спасти свою подругу. Освободи ее и верни домой! Я же сделал это, а ты?..».

Птицы снова улетели, теперь надолго. Перевалило за полдень, а их все не было.

– Неужели они отправились к Людмиле? – подумал Рустам и решился. – Я должен пойти к ней и уговорить вернуться!

Он сел за руль внедорожника и дал газу. Всю дорогу думал: «Где я ошибся? Что я сделал не так? Эх, Людмила, Людмила... Я же люблю тебя! Почему ты меня не понимаешь?».

Людмила увидела парящих в небе птиц, и ее сердце защемило. Она догадалась, кто разбил стекло и увел Ору.

«Какой молодец Орр, – подумала Людмила. – Прилетел и увел любимую. Вот это джигит! Почему же ты не идешь, мой славный Рустам? Но ведь и Ора не молчала, каждый день звала друга, рвалась к нему. И он слышал ее зов. А я, дура, сижу, сложа руки, и жду. Надо немедленно возвращаться!».

Людмила быстро собралась и поехала в горы, вслед за медленно летящей парочкой орлов, к Рустаму.

Они целовались на тропинке, ведущей к дому, потом кружили среди цветов на лужайке и снова целовались... И наконец пришли ДОМОЙ!

А высоко в небе над ними парили две великолепные птицы – счастливые Орр и Ора.

ПРЕДСКАЗАНИЯ

*Без Веры в сердце ты становишься жесток,
Творя безумные дела и разоряя храмы.
Но помни, зло – плохой урок,
Ведь в душах сыновей ты оставляешь шрамы.
И кара неминуемо найдет тебя, злодей,
Забвение придет суровою расплатой.
Совсем исчезнешь ты из памяти людей,
И будет это небольшой утратой.
Пройдут года, придут другие люди
И восстановят храмы на века.
А с ними вечно наша Вера будет
И снова засияют золотые купола...
В. Заренков*

К написанию этой истории меня подтолкнула поездка в белорусский город Толочин с группой моих друзей и сотрудников. В течение последних двух лет мы в качестве благотворительной помощи восстанавливали в этом городке Свято-Покровский монастырь. Самым волнительным событием стала установка новых сияющих золотом куполов с красивейшими и величественными крестами.

Посетив монастырь, побеседовав с матушкой Анфисой и сестрами, отведав монастырской трапезы, я предложил желающим из делегации посетить мою деревню, где я родился и вырос, побывать на кладбище, где похоронены мои родители и родственники, а для остальных был подготовлен экскурсионный автобус по знаковым историческим

местам района. Все дружно решили ехать со мной, чему я был безмерно рад.

Приехав в деревню, я в первую очередь показал место, где стояла наша изба, а сейчас были видны только заросшие бурьяном остатки фундамента.

– А где же краник с водой, о котором Вы писали в своем рассказе «Водопровод»? – спросил с улыбкой один из участников нашей группы – композитор Михаил. Он уже был со мной на этом месте в прошлый наш приезд и хорошо знал об этом кранике.

– А вон, видите маленькую избушку-часовню рядом с дорогой? Мы её построили два года назад. Вот туда я и перенес этот краник. Избушка-часовенка для всех всегда открыта. Любой уставший путник может зайти сюда, попить холодной чистой водички, отдохнуть в тени и продолжить путь.

Посидев в избушке, побеседовав и выпив воды из того самого краника, мы продолжили путь в сторону кладбища. Постояв у могилы родителей и родственников, возложив цветы и прочитав молитвы (с нами был священник Евгений), группа разбрелась по кладбищу, рассматривая надписи на крестах и памятниках.

– А что это за пирамидка с красной звездой вон над той неухоженной, заросшей могилой? – спросил с интересом писатель Николай.

– О, это долгая и грустная история, – ответил я, задумавшись. Очень не хотелось мне будоражить память и говорить плохое об умерших.

– Нет уж, нет, – начали просить остальные, – расскажите, пожалуйста, нам интересно.
– Хорошо, давайте вернемся в избушку-часовенку, там я вам всё и расскажу, – предложил я группе.

Мы вернулись в избушку, сели за стол, и я начал рассказ.

Родился я в небольшой белорусской деревеньке, что недалеко от города Орша и города Толочин, в большой трудолюбивой семье. Семья была дружной – все помогали друг другу. Отец и мать работали с утра до вечера, старшие дети ходили в школу, а нас – младших – воспитывала бабушка Аксинья. Бабушка, несмотря на советскую власть, была истинно верующим человеком. Она без молитвы никогда не садилась за стол.

С детства мне запомнились её рассказы о вере, о Боге, о его Любви к людям. Были и рассказы о тех, кто отошел от веры и перешел в воинствующий атеизм с его варварским разрушением храмов и церквей.

Недалеко от нашего дома жила председатель сельсовета Марья с двумя сыновьями четырех и шести лет. Мне она помнится женщиной, похожей на комиссара. Всегда была одета в черную прямого покроя юбку и комиссарскую кожаную куртку, подпоясанную широким солдатским ремнем с пряжкой и красной звездой. Её строгость по отношению к людям граничила с жестокостью и презрением. А церковь и священников она ненавидела.

Муж, не выдержав её комиссарского, неженского характера, покинул Марью, когда детишкам было два-три года. И больше никогда в селе не показывался.

А мне запомнился и не просто запомнился, а врезался в память случай, когда по её приказу местную церковь в соседнем поселке превращали в картофелехранилище. Теперь-то я понимаю, что никакой необходимости в этом не было. Церковь выстояла под бомбежками в войну, продержалась в оккупацию. Во все времена туда шли люди поклониться Богу, покаяться и попросить помощи.

Построить новое картофелехранилище не составляло никакого труда. Но тупая, наполненная злобой ненависть к религии толкала Марью к разорению церкви. И вот на глазах собравшихся людей она сама забирается на крышу, цепляет железный трос за золоченый, сияющий красотой крест и дает команду трактористу тянуть трос. Руки у тракториста дрожат от волнения, душа не принимает такую команду, противится, и он весь в холодном поту высккивает из кабины, восклицая:

– Не могу я это сделать, хоть убейте, не могу... Бог накажет нас всех за такое злодеяние...

Народ, склонив головы, молчит: кто-то стыдливо отворачивается, кто-то несмело пытается сказать:

– Марья, не надо это делать...

Старый священник, печально глядевший на происходящее, пытался образумить людей и Марью:

– Люди, не делайте этого, Бог вас накажет. Марья, ты же человек, образумься...

Но Марья, спускаясь с крыши церкви, кричит громко:

– Трусы вы все, не понимаете политики нашей партии...

И, обращаясь к священнику:

– А ты – рассадник религии – помолчи лучше, куда мы тебя в тюрьму не посадили...

Затем, расталкивая людей, Марья садится за штурвал трактора, резко нажимает на рычаги, трос натягивается, и крест падает на землю...

Старый священник молча крестится и тихо произносит:

– Марья, ты творишь страшное зло на земле и потому, помянешь мое слово, долго не проживешь на этом свете и скоро умрешь в муках, но самое страшное, что и род твой кончится в муках...

Слова его не звучали проклятием, они звучали как пророчество.

Уже тогда мне, малому подростку, все это казалось противоестественным. Зачем разрушать красоту, зачем рушить веру в Бога, в доброту, в любовь?

Дома, со слезами на глазах, я рассказал об увиденном бабушке. Она молча выслушала и произнесла:

– В своей жизни, внучок, тебе ещё много придется увидеть несправедливости – времена сейчас трудные, люди потеряли веру в Бога. Но пройдет время и всё образуется. А ты, внучок, ещё много церквей восстановишь и много крестов установишь. И даст Бог, еще и новые храмы построишь. Только не теряй веру в Бога.

Прошли годы, и, вспоминая прожитое, я убеждаюсь, что всё в жизни закономерно, и пророчества верующих людей – и старого священника, и моей любимой бабушки – сбываются.

Примерно через год Марья тяжело заболела, у неё обнаружили рак. Она сильно мучилась и через какое-то время умерла. Детей забрали в детский дом. И долго никто не знал, что с ними. И уже через тридцать лет, в очередной мой приезд в деревню, я узнал, что старший попал в тюрьму и там умер, а младший умер от пьянства. Очень жаль их... Ведь ни в чем они не были виноваты, но им пришлось расплачиваться за дела своей матери...

Мне же в своей жизни, как и предсказывала бабушка, довелось восстанавливать много храмов, монастырей и церквей и устанавливать красивейшие купола с золочеными крестами.

И строить новые храмы, церкви и часовни.

Бог даст, и еще удастся построить...

ДОРОЖИ ТЕМИ, КТО РЯДОМ

*Простите близких за причиненную Вам боль, и боль отпустит.
Простите себя и отпустите прошлое, чтобы наслаждаться настоящим.
Прощать – это значит помнить без обиды...
Из Интернета*

Джона я встретил в Кембридже. Это небольшой, но известный на весь мир университетский городок в Англии. Я приехал туда по совету друзей совершенствоваться (как мне казалось!) свой безобразный английский. «Только в Англии и только в Кембридже ты научишься говорить по-английски, – убеждал меня мой друг Михаил и, громко смеясь, добавил: – а еще лучше, если на время учебы найдешь красивую англичанку. В кровати мигом выучишь!». Англичанку, да еще красивую, найти в Кембридже почти невозможно – такое ощущение, что там одни иностранцы. И все разговаривают на своем, понятном лишь им языке.

Учеба давалась тяжело, потому что, обладая логическим мышлением, я не могу механически запоминать незнакомые слова. Но английский был необходим по работе, и я упорно его учил. Судьба распорядилась так, что я познакомился с Джоном. И эта встреча многое изменила.

Джон – добродушный и немного грузноватый мужчина, на вид 43–45 лет – работал учителем в школе английского языка. Уроки у него были веселые: он рассказывал забавные истории, ненавязчиво втягивая учеников в обсуждение интересных тем. Одним словом, «душа-парень». Часто после занятий, а иногда и в выходные дни Джон приглашал меня в музеи и театры. Он был не прочь выпить хорошего вина или виски. Постепенно мы обошли с ним все рестораны Кембриджа и ближайших пригородов. Кроме того, выезжали за город на пикники. Джон прекрасно готовил, особенно хорошо у него получалась рыба на углях. Имелся фирменный способ приготовления: он чистил рыбу (желательно морскую с белым мясом), добавлял мелко нарезанный лук и другие овощи, приправу, лимон, заворачивал тушку в фольгу и жарил ее на углях 20–30 минут.

Нигде и никогда я не ел такой вкусной рыбы!

С Джоном было очень интересно общаться. Через две недели я уже прилично говорил на английском. Думаю, главную роль сыграли не уроки, а личное общение. Во время прогулок мы беседовали о творчестве, искусстве, спорте, увлечениях. Например, Джон обожал скачки. Он знал клички всех лошадей, имена жокеев, тренеров и конезаводчиков. Мы побывали на нескольких английских ипподромах. Великолепное зрелище: красивые и сильные лошади, женщины в разноцветных шляпах, дух соревнования и переживания за фаворита, на которого поставил. Хотя для Джона главным был не выигрыш, а участие и ощущение борьбы.

Я заметил, что мой английский друг упорно избегает разговоров о личной жизни. Я знал, что у него есть сын Николас, которого он воспитывает один, и что уделяет ему много времени. Несколько раз мы ездили втроем на пикник. Николас был энергичным, спортивного телосложения парнем. Он умел разводить костер, чистил рыбу, готовил шашлыки, охотно болтал о футболе, школе и друзьях. Но ни слова не говорил о матери.

Однажды, перед моим отъездом из Кембриджа, мы сидели вдвоем с Джоном в местном пабе и, потягивая пиво, говорили «за жизнь». Я обратил внимание, что Джон очень задумчив: он что-то говорил, но меня словно не замечал. Казалось, мысленно он находится где-то очень далеко, а не рядом со мной.

– Что случилось, старина? – осторожно спросил я.
Сделав нескольких глотков пива, Джон произнес:

– Виктор, я хочу рассказать тебе историю своей жизни. Завтра ты улетаешь, а мне очень нужен твой совет.

И повторил:

– I do really need your advice...

РАССКАЗ ДЖОНА

Это был выходной, и ближе к вечеру я решил прогуляться по улочкам великолепного приморского города. Все улицы были заполнены беззаботными туристами, которые разглядывали витрины, проводили время за чашкой ароматного итальянского кофе, фотографировали местные достопримечательности. Среди них выделялись стайки веселых девушек. В коротких, прозрачных и разноцветных юбочках, таких же интригующих и красиво облегающих фигуру блузках, они привлекали внимание молодых парней, которые пытались с ними познакомиться. Иногда это удавалось, но чаще девушки давали отпор и, весело смеясь, убегали к морю. Парни спокойно продолжали свой путь, останавливались у кафешек и заводили знакомства с более покладистыми барышнями.

Погода стояла великолепная, с моря дул свежий ветер, и все вокруг располагало к отдыху и любви. Я тогда был молод, полон сил, и каждая девушка казалась мне прекрасной. Но врожденная стеснительность мешала мне с кем-нибудь познакомиться.

И вдруг я увидел ЕЁ. Стройная, высокая, в белоснежном фартучке она держала в руке небольшой серебряный поднос с дымящимся ароматным кофе. На ней была голубая коротенькая юбка и под цвет фартука – белоснежная блузка. Стройные, красивые, чуть загорелые ноги, точеная фигура, аристократические руки и шея – все было прекрасно. Я робко взглянул на нее, и она вдруг в ответ улыбнулась. Такой ослепительной и чувственной улыбки я еще не встречал – за все свои 25 лет.

От девушки, как с моря, повеяло свежестью...

Не решаясь подойти, я купил в ближайшем киоске местный журнал и присел в кафе напротив. Заказав кофе, стал листать журнал, краем глаза поглядывая на свою «избранницу». Она то появлялась с подносом в руках, то исчезала в глубине ресторана, но почти всегда ловила мой взгляд и одаривала ослепительной улыбкой. После четвертой чашки кофе, в очередной раз поймав мой взгляд, девушка снова улыбнулась и красивым жестом пригласила за столик ресторана, который обслуживала. От неожиданности я вздрогнул, пролил кофе и еще больше сконфузился. Не сдержавшись, она засмеялась. Ее смех звучал, как серебряный колокольчик. К моему удивлению, я тоже засмеялся, робость исчезла, и я пересел за ее столик:

– Здравствуйте! – произнесла она на чистом итальянском. – Меня зовут Карина, и я здесь работаю. Хотите кофе?

– О да, конечно! – пролепетал я, хотя выпил уже четыре чашки, и мое сердце, то ли от крепкого напитка, то ли из-за того, что сильно нервничал, бешено застучало, словно готовясь вырваться наружу...

– Я – Джон. Простите за мой плохой итальянский. Я живу здесь недавно, проходил мимо, купил журнал...

– Знаете, Джон, я сегодня подменяю подругу, скоро она придет, и я освобожусь. Если подождете, можем вместе погулять.

– Конечно, подожду! И буду рад погулять с вами, – не веря своим ушам, проговорил я.

Так я и сидел некоторое время, листая журнал и попивая кофе, в ожидании подруги. Казалось, прошла целая вечность. Наконец из ресторана выпорхнула улыбающаяся Карина. Я даже не заметил, когда пришла ее подруга и Карина успела переодеться. Теперь на ней были короткие джинсовые шортики, удачно облегающие великолепную фигуру, и светлая шелковая блузка, подчеркивающая красивую грудь. На ногах – серебристые босоножки. В черных волосах заколка с большой разноцветной бабочкой. На лице играла улыбка.

– Куда идем, кавалер? – весело спросила Карина и быстро добавила. – Только не в ресторан и не в кафе!

- Идем к морю, – предложил я.
- Замечательно! И подальше от людей.

Она взяла меня за руку. От ее прикосновения потелу пробежала дрожь, будто меня ударило током. Я сжал ее ладошку, и мы пошли, размахивая переплетенными пальцами. По пути болтали обо всем: о погоде, море, Италии, Англии. Она рассказала о себе, я – свою историю, вспомнили новые фильмы, музыкальные альбомы, выставки. Было такое ощущение, что мы знакомы с детства.

Мы бегали по песчаному пляжу, плескались в море, брызгали друг на друга соленой водой и не заметили, как стало темнеть. Стараясь поймать последние лучи солнца, выбежали на лужайку с мелкими белыми ромашками, которые в сумерках горели, будто светлячки. Усталые легли на траву, усыпанную цветами. С моря потянуло прохладой. Чтобы согреться, Карина прижалась ко мне, и я неожиданно для себя впился губами в ее чувственные губы. Время остановилось, мир перестал существовать. Мы безрассудно отдались страсти и не замечали ничего вокруг – только губы и наши тела.

Мы пришли в себя, когда вдали уже светила луна и яркие звезды. Какое-то время мы молча лежали, глядя в ночное небо, затем я аккуратно взял ее на руки и понес к морю. Нагретая солнцем вода окутала нас нежным теплом. Немного поплескавшись, мы снова стали целоваться и снова отдались страсти.

Это был незабываемый вечер...

Затем мы стали встречаться. Обычно я ждал Карину у кафе, и мы шли в наше тайное место. Через три месяца Карина сообщила, что у нас будет ребенок, и мы поженились. Рожать сына решили в Англии. Вскоре переехали в Кембридж, и я устроился учителем в местную школу. Нам выделили квартиру, и семейная жизнь стала приобретать нормальные очертания.

Родился сын, которого назвали в честь моего деда Николасом. Казалось, все хорошо: мы вместе, я работаю, Карина воспитывает сына, по вечерам ходим в театр и кино, а на выходные едем за город. Однако я стал замечать, что Карина скучает, ей хотелось чего-то нового. Она начала писать картины (раньше увлекалась живописью), и у нее неплохо получалось. Но вскоре я услышал:

- Скучно стоять за мольбертом.
- Займись фотографией, – пошутил я и купил ей фотоаппарат.

Неожиданно для меня она действительно увлеклась фотографией, стала выезжать в другие города и страны, встречаться с профессиональными фотографами. Конечно, это плохо сказывалось на воспитании сына и семейном бюджете. Мне приходилось отказываться от поздних уроков, чтобы забирать Николаса из детского сада. Соответственно, уменьшилась и зарплата. Из-за этого у нас начались ссоры. С ее-то итальянским темпераментом! Карина все чаще не приходила домой ночевать, ссылаясь на организацию выставок, поездки и прочее. Возвращалась утром, извинялась и говорила, что всю ночь работала.

И вот в один прекрасный день она ушла, оставив на столе записку:

«Прости меня, Джон! Я больше не могу тебя обманывать... Я влюбилась, влюбилась страстно и не могу без него ни минуты. Ты его знаешь – это Том, фотограф из Америки. Мы улетаем к нему. Николаса я взять не могу – Том возражает... Надеюсь, ты воспитаешь его хорошим человеком. Вы мне родные, но я не могу без Тома, безумно-безумно его люблю. Простите меня! Не судите строго... Ваша Карина».

Для меня это был страшный удар. Карина, которую я страстно любил, которой все прощал и которая, как мне казалось, любила меня и сына, бросила нас и улетела в Америку с тощим, длинноногим и нищим америкашкой-фотографом.

«Такого быть не может! Это недоразумение, злая шутка. Она вернется!» – лелеял я надежду. Но проходили день за днем, а Карина не возвращалась. Я продолжал работать, после работы бежал в садик за сыном, готовил еду, стирал и занимался с Николасом. Пролетели годы,

сын пошел в первый класс, и я все время тратил на него: вечером мы вместе делали уроки и готовили. Николас любил играть с друзьями в футбол и часто гонял мяч допоздна. По выходным мы ходили на экскурсии, ездили за город, гуляли в лесу. Николас рос общительным парнем, иногда после его вечеринок весь день приходилось восстанавливать порядок. Правда, он сам активно мне в этом помогал.

Постепенно мы привыкли жить вдвоем, мальчик стал забывать мать. И вдруг, когда он уже перешел во второй класс, пришло письмо из Америки. Без обратного адреса, был только штамп Нью-Йорка.

«Дорогой Джон!

Пишет тебе Том, с которым уехала твоя бывшая жена Карина. Хочу сообщить, что мы прожили вместе всего два года, и она ушла от меня к малоизвестному продюсеру по имени Стив, уехала в неизвестном направлении. Однако неделю назад я получил записку от этого Стива, в которой он сообщает, что Карина скончалась от сердечного приступа. Адрес, где она похоронена, Стив не назвал. Примите мои соболезнования.

С уважением, Том».

– О, господи! – воскликнул я в ужасе. – Моя Карина скончалась, и я не смог присутствовать на ее похоронах. Ведь ей было всего тридцать лет! Как же так... Эх, Карина, Карина...

С тех пор прошло восемь лет. Все свободное время я посвящал сыну. Он успешно закончил школу и сейчас учится в колледже, хочет стать юристом. Мать он почти не помнит, но часто спрашивает, когда мы съездим на ее могилу. Несмотря на то что прошло много времени с момента расставания, я не смог забыть Карину, она оставалась единственной женщиной, которую я по-настоящему любил. Я отправил несколько запросов в различные службы США с просьбой разыскать могилу бывшей супруги, но приходили лишь отписки. И когда мы потеряли всякую надежду и решили сами отправиться в Америку на поиски, из Нью-Йорка пришло новое письмо... письмо от Карины.

«Здравствуйте, мой дорогой Джон и любимый, единственный сын Николас!

Вы, конечно, будете удивлены этому письму. Я бы тоже удивилась, получив его. Ведь вы считаете меня умершей. К счастью или нет, но я жива. Влача нищенское существование в чужой стране, и совсем отчаявшись, я осмелилась вам написать.

Простите меня за все! Но я действительно страдаю – от одиночества, от того, что натворила, от того, что виновата перед вами, мои любимые и самые близкие люди. Находясь вдали от вас, я всегда вспоминала и вспоминаю день нашего знакомства, Джон. Вечер на берегу моря, когда мы, как сумасшедшие, отдавались страсти, купались ночью, а потом, обессиленные, держась за руки, лежали на поляне с цветами и смотрели на яркие звезды. И как ты, Джон, глядя на падающую звезду, задумчиво произнес:

– Вот так, Карина, заканчивается жизнь.

А я ответила:

– Нет, мой любимый Джон! Жизнь только начинается, и я люблю тебя, милый.

Мы молча лежали, думая каждый о своем. Я мечтала о своем домике с садом, о сыне, которого рожу и буду любить, о маленькой дочке, с которой мы будем плести венки из полевых цветов и дарить вам, мальчикам. А вы будете скромно их примерять и отдавать нам, смеясь: «Вам они больше идут! Вы у нас самые красивые». И мы все вместе будем дурачиться и веселиться.

Такие мысли у меня были, Джон, в тот вечер. Лучший вечер моей жизни! Конечно, тогда я была наивной и глупенькой, но искренне верила, что все именно так и будет.

Затем мы поженились, уехали в Англию и вместо домика с садом поселились в тесной квартирке, где начались будни: ты все время на работе, я – по хозяйству. И мне стало скучно. Я пыталась заниматься творчеством, но у меня ничего не вышло. Затем родился Николас. Я видела, как ты любишь сына, как он привязан к тебе, и решила, что ему с тобой лучше. К сожалению, я оказалась плохой матерью и стала обижаться на тебя. Только сейчас поняла, что без причины. Мне хотелось свободы, жизни... Другой жизни – стремительной и бурной. И тут появился Том, фотограф из Америки, и я увлеклась фотографией. Теперь я понимаю, что-то было лишь увлечение, не любовь. Отголоски страсти, которую мы с тобой испытали в тот незабываемый вечер.

Дура, опьяненная новой страстью, я ушла с ним, улетела в Америку. Мне казалось, что с Томом я обрету то, о чем мечтала. Но мечта развеялась, как дым: Том оказался никчемным и безответственным человеком – без работы, без дома, без планов. Он жил сегодняшним днем, ломая жизни других. Отъявленный эгоист! К тому же он много пил и в пьяном угаре становился невыносим. Прожили мы с ним недолго, скитались по дешевым отелям и съемным комнатам, жили на то, что он изредка зарабатывал.

Потом на одной из фотосессий я познакомилась с продюсером Стивом – 43-летним шатеном с изысканными манерами и приятным голосом. Он уговорил меня уехать с ним в Бостон. Том к тому времени окончательно ушел в запой и стал принимать наркотики. Наверное, он делал это и раньше, но тайно и небольшими дозами, а теперь не мог прожить без них и дня. Все заработанные деньги сразу тратились на дозу. Я мечтала вырваться из этого порочного круга, но Том забрал мои документы. К тому же у меня не было средств, чтобы вернуться в Англию. Еще я боялась, Джон, что ты меня не простишь и не примешь обратно. Я чувствовала себя виноватой и очень скучала. Однако ничего не могла сделать без документов и без денег. Предложение Стива оказалось как нельзя кстати. Здесь не шла речь о любви или страсти – он просто стал моим спасителем.

В итоге я уехала со Стивом. Он оказался состоятельным мужчиной, имел хороший дом в Бостоне и недвижимость, которая приносила неплохой доход. Но был страшно скупой, нудный и ревнивый – не разрешал мне выходить из дома одной, бывать на мероприятиях, заводить подруг. Настоящая «золотая клетка», из которой редко выпускали. Через какое-то время я получила письмо от Тома, в котором он просил меня вернуться и угрожал расправой, если я этого не сделаю. Я показала его Стиву, и он предложил написать Тому о моей неожиданной смерти.

Еще через какое-то время мы получили новое письмо от Тома, где он поведал, что сообщил о моей смерти тебе, Джон, и попросил указать место моего захоронения. Я была потрясена. Один обман породил другой. Возвращение домой стало невозможно.

Простите меня, мои дорогие, и за это тоже!

Стив ничего не ответил Тому. Вскоре у него начались проблемы с бизнесом, и мы переехали жить в небольшой городок Норвуд с его нудными провинциальными буднями. Стив все время был в делах, которые не приносили дохода, погряз в долгах, стал продавать недвижимость и, в конце концов, окончательно разорился. Через два года совместного существования мы разошлись. Я вернулась в Бостон и устроилась на работу официанткой в ресторан, где и работаю по сей день.

За это время я поняла, что люблю только тебя, Джон. Мой дорогой и единственный!
И больше всего на свете хочу вернуться к вам, мои милые. Я так скучаю по вам, Джон и Николас!

Простите меня, если сможете, и заберите меня отсюда.

Ваша Карина».

Джон закончил читать, аккуратно сложил письмо и сунул его в рюкзак, с которым никогда не расставался. Повисло молчание. Я не знал, что сказать, и чтобы хоть как-то разрядить обстановку, позвал официанта:

– Два пива, пожалуйста.

Пауза затянулась. Мы молча пили пиво. Я пытался представить себя в ситуации Джона. Что бы я сделал, если бы моя жена так поступила? И не находил ответа...

– Что ты мне посоветуешь, Виктор? – наконец тихим голосом спросил Джон.

Я внимательно посмотрел на него и в глазах, полных слез, увидел, какого совета он ждет от меня. Джон до сих пор любил Карину. Ни время, ни обиды, ни её измены не смогли погасить эту любовь... Он застыл в ожидании, луч света упал на его лицо, высветив появившиеся морщины и надежду. Пальцы его рук нервно вздрагивали, словно вспоминали те незабываемые моменты, когда они, скрепив руки, резвились на берегу моря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.